

Борис Щербаков

**В/Ч № 44708.
МИССИЯ ЙЕМЕН**

Москва
2009

УДК 355.12+82-94
ББК 68.424.3+84-4
Щ61

Публикуется в авторской редакции

Щербаков Б.

Щ61 В/ч №44708. Миссия Йемен / Борис Щербаков. — М: Альпина нон-фикшн, 2009. — 192 с.

ISBN 978-5-91671-023-6

Эти истории, написанные человеком, которого мы знаем как успешного бизнесмена, вице-президента известной западной компании и колумниста солидных финансовых изданий, — отсылают нас в далекие 1970-е годы. Время дефицита в СССР, парткомов, «характеристик», но и время молодости и радостного познания жизни в загадочной стране Йемен. Кто такие военные переводчики и что они делали на другом краю земли? Как поступали в МГИМО и почему жизненно необходимо знать устав караульной службы? Чем были для советского человека джинсы Wrangler и стереосистема AIWA? Как жилось, служилось и мечталось тогда?

Книга будет интересна и тем, для кого 1970-е не просто цифры, и тем, кого завораживает по-прежнему далекий и непонятый арабский Восток.

Легкое чтение с приятным «послевкусием».

УДК 355.12+82-94
ББК 68.424.3+84-4

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами без письменного разрешения владельца авторских прав.

ISBN 978-5-91671-023-6 (рус.)

© Щербаков Б., 2009
© ООО «Альпина нон-фикшн», 2009

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Серьезно о кросскультурном менеджменте,
полуденном намазе, человеческих качествах
йеменцев и идеях товарища Маркса 7

Глава 1

ARABIA FELIX

Глава, где рассказывается о римских
центурионах, распределительной комиссии
Генштаба, царице Савской и генерал-майоре
Чернобровкине 14

Глава 2

ARABIA FELIX 2

Глава, где рассказывается о йеменских юбках,
изучении арабского языка, отмене рабства
и удивительном изобилии 28

Глава 3

ПЕРЕВОРОТЫ И ПОЛИТИКА

Глава, где, как следует из названия,
рассказывается о военных переворотах,
президенте Гашми, главном хирурге Гриценко
и расценках за исполнение
интернационального долга 39

Глава 4

«ВЕЛИКОЕ СИДЕНИЕ»

Глава, где подробно разъясняется,
что такое наряд и устав караульной службы,
а также говорится о песчаных бурях,
кримплене и вельветовых штанах 47

Глава 5

КРАСНОЕ МОРЕ МОЕ

Глава, где рассказывается о пустыне Тихама
и акулах-катранах из Красного моря,
а также передается пламенный привет
учителю географии по прозвищу Гундос 57

Глава 6

В ОТПУСК!

Глава, где обнаруживаются инструкции о том,
как не платить за перевес «Аэрофлоту»,
а также рассказывается о джинсах Wrangler,
Английском клубе и ресторане «Арагви» 64

Глава 7

ЭВИТА

Глава, где рассказывается о встрече с живым
американцем, бдительных особистах,
самописной копии рок-оперы «Эвита»
и политике «мирного сосуществования» 72

Глава 8

КОММУНИКАЦИИ

Глава, в которой рассказывается
о дипломатической почте, «Голосе Америки»
и аудиопиратском рае Йемена 78

Глава 9

СУХОЙ ЗАКОН

Глава об особенностях арабской кухни
и курином бульоне Podravka, а также о сухом законе
и контрабандном виски 89

Глава 10

РАБОТА И «РАБСТВО»

Глава, где автор рассуждает о трудностях
перевода, избирательности памяти,
корпоративной лояльности и представителе
ГКЭС товарище Джабиеве 104

Глава 11

РЕДИСКА

Глава о том, что не стоит отождествлять родину и государство, о распитии пива на Калининском проспекте, внуке генсека Брежнева и опыте культивирования редиса в Йемене 115

Глава 12

АНЧАР И ГРИФЫ

Глава, где расшифровывается истинный смысл слова «хабир» а также рассказывается о Пушкине, бен Ладене и 6-й Танковой бригаде в Мафраке 124

Глава 13

ТЕХНИКА И ЖИЗНЬ

Глава, где рассказывается о Еврейской площади в Йемене, необходимости стереосистемы AIWA в жизни и «коммисионной мафии» 137

Глава 14

ЭССЕ

Глава о ностальгии по прошлой жизни, важности «общественной работы», поступлении в МГИМО и блате по зрению 145

Глава 15

ЙЕМЕНСКИЙ ЧАЙ

Глава, где про секс ничего не сказано, зато присутствует много интересных фактов о жевании ката, йеменских свадьбах и тяжелой судьбе инженера Дымова 153

Глава 16

ХОЗЯИН

Глава, где автор размышляет о понятии собственности а также делится своими воспоминаниями о йеменских барышнях и килограммах золота 159

Глава 17

МОЗАИКА ВОСПОМИНАНИЙ

Глава, где мы узнаем все о чемодане Samsonite,
генерал-майоре Филиппове,
удовлетворенном тщеславии и йеменской
военной форме 164

Глава 18

СТОМАТОЛОГИЯ

Глава, где рассказывается о советской
стоматологии, лидокаине и обескураженном
дипломате 180

Глава 19

ЙЕМЕНСКИЙ ГИМН

Философская глава о взрослении, Олимпиаде-80
и холодной Москве. А также о йеменском гимне
и затерявшемся на 30 лет письме
из в/ч № 44708 182

ХАРАКТЕРИСТИКА

На Щербакова Бориса Ивановича, члена КПСС
с 1984 по 1991 год, а ныне беспартийного,
1954 года рождения, генерального директора
представительства Oracle в странах СНГ,
вице-президента компании Oracle
(с 2004 года) 188

ВВЕДЕНИЕ

Серьезно о кросскультурном менеджменте,
полуденном намазе, человеческих качествах
йеменцев и идеях товарища Маркса

Я читаю студентам одной московской бизнес-школы так называемый «мастер-класс» по «кросскультурному менеджменту», есть такая дисциплина. Смысл ее в том (по-моему), чтобы изначально понять, что все народы — разные, понять, принять и научиться управлять мультинациональным коллективом, учитывая эти различия. Проблема в том, чтобы заставить себя принять эту истину, — культуры оказывают гигантское влияние на формирование личности, а стало быть, не могут не сказаться на особенностях поведения человека в различных ситуациях, на особенностях принятия решений им, на управляемости, в конце концов. А это очень трудно, гораздо проще убедить себя в том, что твой народ, твой путь, твой опыт — единственно верный, и чего с ними цацкаться, с иноверцами. Американцы страдают такой болезнью особенно остро.

Историко-культурный аспект кросскультурного управления чрезвычайно важен для построения эффективной команды, работы вообще. Те, кто слушает такие курсы в теории, часто недооценивают значение фактора историко-культурной разницы народов. А зря.

Мне в этом смысле повезло, я сразу имел возможность окунуться в совершенно другой мир, настолько другой, что сомнений в разнице культур не возникало с первого дня. Помимо чисто внешних проявлений (одежда, оружие, архитектура, пища, да мало ли), поведенческие особенности йеменцев не давали шанса усомниться в их инакости. Огромное влияние на народ оказывает доминирующая религия, как бы ни противились этому сторонники политкорректности. Ислам — воздух, пища, смысл и основа жизни для подавляющего большинства йеменцев, особенно сельского населения. Можно отнести ритуальную часть ислама к традиции, привычке народа, но от этого ситуация не изменится — все и вся меряется по канонам, меркам слова Аллаха. К этому надо привыкнуть, оставить иногда возникающее раздражение кажущейся несуразностью аргументов, отсталостью взглядов, ничто делу не поможет, только внимательное, уважительное отношение к порядкам, исламом регламентируемым.

Можно по-разному относиться к религии, но не учитывать ее в жизни, в работе в Йемене не удастся. И лучше принять и понять почему в полдвенадцатого утра, например, все офицеры, солдаты без обсуждения и малейшего сомнения прерывают занятия и отправляются по своим углам совершать полуденный намаз («сала-аз-зухр»). Почему нельзя есть на улице днем, в светлое время, в священный месяц Рамадан, плавно сдвигающийся каждый год на две недели примерно, в соответствии с хиджрийским календарем (а то еще могут и навалить за святотатство!). Почему женщинам очень не рекомендуется ходить в обтягивающих джинсах по старому городу. А если ты нарушаешь это правило, то велика вероятность получить камень вдогон или, как у нас в гарнизоне

было один раз, получить, извините, пулю в зад из пневматической винтовки, что очень неприятно, говорят.

Нельзя ругать религию, спорить с основными постулатами («Аллах велик, он един, Магомет пророк его»), нельзя рисовать Пророка — все это может закончиться очень плачевно, что и показывают недавние события вокруг датских карикатур (однозначно — глупость со стороны датчан).

Я арабист, но не мусульманин, и это надо было признать сразу, безоговорочно, не претендовать на религиозную близость к йеменцам, не пытаться «сойти за своего», что еще хуже, да это, впрочем, и невозможно, слишком глубока культурная пропасть между белым христианским миром и исламом. (Тут я не могу не вспомнить карикатурные сцены из телефильма «Русский перевод», в которых юный герой-переводчик шпарит назубок суры из Корана, высказывается на религиозные темы с легкостью, будто всю жизнь провел под минаретом... Так не бывает, и не дай бог вам перейти эту тонкую грань между языком и религией — опасно.) Совместно с моими йеменскими друзьями мы нашли приемлемый вариант названия моей квалификационной категории, объясняющий мой языковой и культурный статус — мустаслим, «близкий к исламу», «исламизированный», но не мусульманин. Даже тут было много лукавства с моей стороны, это слишком высокий статус, и уж точно претензий на большее иметь я был не вправе. В этом статусе я мог обсуждать на полном серьезе какие-нибудь коранические темы, религиозные каноны, в основном соглашаясь с «логикой», иногда споря, но всегда крайне уважительно, с пониманием — да, мы разные, но я хочу понять вашу религию, понять, почему вы все делаете так, а не иначе. В те годы о религиозной принадлежности совет-

ских людей (была такая общность — «советские люди»,) говорить было не принято, но мы всегда подчеркивали, что мы — ортодоксальные русские христиане по религии, и это вызывало уважение у проникнутых духом ислама йеменцев: все-таки религия, пусть и христианство!

Оговорюсь сразу: Коран, или «Книгу», я не читал, только отдельные аи, пытался со словарем много раз, но слишком затратно по времени, общих знаний языка не хватает, язык архаичен, глубок. Выучил только первую суру, «Аль-Фатиху», даже могу ее петь очень похоже на муэдзина, хотя с годами и этот навык уходит, трудно воспроизвести мелодику, «попасть в ноты», так сказать, хотя с фонетикой у меня все в порядке до сих пор. Ну и несколько красивых изречений выучил, скорее для экзотики, блеснуть в компании, когда попросят (а просят обязательно!) сказать «что-нибудь по-арабски».

Споры были разные, иногда бывало трудно сдержать улыбку. Вспоминаю свой спор с одним из лаборантов о том, что цивилизация — это всегда лучше, надо есть ножом с вилкой, и лучше мыть руки перед едой. Хамуд делал круглые глаза:

— А зачем же тогда Аллах дал человеку руки?

Возразить трудно, да и незачем, но руки мыть я лаборантов научил, по крайней мере во время совместного приема пищи, на дежурстве.

Многократно приходилось спорить на тему, Аллах ли создал землю и людей или все-таки это результат глобальной эволюции материи... Надо было находить правильные, не обидные для них слова, учитывая в целом невысокий образовательный уровень. Но мы всегда находили компромисс.

Коран не запрещает пить вино (как многие думают), есть выражение в арабском: «питие вина — грех», но

в Коране прямого запрета нет. Я долго не мог понять, в чем же тогда причина столь нетерпимого отношения к алкоголю во многих арабских странах, но понял только тогда, когда услышал одно из изречений Корана: «Не приближайся к молитве, если ты пьян». Под воздействием алкоголя молиться нельзя, это грех стопроцентный. Но проблема в том, что молятся мусульмане аж 5 раз в день, и, таким образом, честному человеку никак не представляется возможным выпить по-настоящему, чтоб этот абсолютный запрет не нарушить, если только совсем чуть-чуть!

...Приехав однажды утром на работу, в 6-ю свою танковую бригаду, я обратил внимание на то, что замкомандира бригады Исмаил как-то необычно невесел, а у меня с ним были неплохие, почти дружеские отношения, мы в шахматы играли, беседовали часто «о судьбах мира» и пр. На мой вопрос «Что случилось?» он неожиданно ответил:

— Сын вчера умер.

Я был в ужасе, пытался утешить какими мог известными словами, но еще больший шок я испытал, когда он ответил мне на это:

— Бог дал, бог взял. Чего теперь...

Единственно, по-моему, в шахматы мы с ним в тот день не стали играть. Конечно, в семьях у йеменцев было много детей, по 10–12 человек, но такого отношения к жизни я не мог себе и представить.

Я повторюсь, на мой взгляд, йеменцы как народ очень хорошие, отзывчивые, абсолютно лишённые типичной арабской заносчивости, может, чуть простоваты в поведении, не испорченные цивилизацией или мегаидеями о своем особом предназначении, им этого никогда в истории не требовалось — подтверждать некую свою миссию, как многим другим арабским племенам — покорителям,

кочевникам. Жили себе люди тысячелетия на склонах гор Счастливой Аравии, никого не трогали, отбивались как могли и когда могли от иноземных завоевателей, но по характеру — абсолютно мирные люди. Южан испортил коммунизм, как и все другие народы, прошедшие через его чистилище, но северяне оказались к идеям товарища Маркса невосприимчивы, что помогло им сохранить свою историческую первозданность. Йеменцы по сравнению с другими арабскими народами в моей шкале оценок занимают высшую ступеньку. Они просто лучшие.

Я провел много лет в Ираке, я часто общался по работе и потом, туристом, с египтянами, иорданцами, кувейтцами, марокканцами, тунисцами, да практически с людьми из всех арабских стран, так что сравнивать могу, здесь не стану давать оценок другим народам арабского мира, хотя хотелось бы, знаете... В подметки они все не годятся йеменцам с точки зрения человеческих качеств. Йеменцы — вне конкуренции.

В силу специфики того политизированного, ненормального времени друзей из числа йеменцев у меня не получилось (как и из числа граждан других стран). Мы сблизились с одним парнем, правда, в конце уже, — капитаном ВВС Ноуманом. Он даже потом, когда прилетал на переподготовку в Союз, был у меня в гостях в Москве, мы с ним ездили на дачу к моим родителям, в Ашукинскую, вопреки строгим запретам и для него, и для меня, но все равно дружбы настоящей не получилось, слишком уж все отношения были под микроскопом спецслужб, ни к чему это было ни мне, ни ему. Я уже работал в «Разноэкспорте», мне предстояло делать карьеру во Внешторге, а ему — у себя в войсках, где тоже несанкционированные контакты с иностранцами не приветствовались, мягко говоря. Время было такое...

Какое-то время мне казалось, что у нас намечается дружба с Абдурахманом Джейляни, врачом-терапевтом из госпиталя. Он был грузный парень, чуть за 30 и к тому же чернокожий, абиссинских кровей. Он долго учился в Союзе, ему не все там нравилось, он мне жаловался, что особенно горько было, когда его где-нибудь в переходе обзывали «черножопым», «обезьяной» на глазах у его русской жены...

«Абдурахман, это, знаешь, издержки латентного расизма», — я пытался ему объяснить, что вообще-то русские не такие, мы негров любим. Но дружбы не случилось, он ушел из госпиталя и открыл частную практику, стал очень богатым по йеменским меркам и плавно пропал с моего горизонта.

Глава 1

ARABIA FELIX

Глава, где рассказывается о римских
центурионах, распределительной комиссии
Генштаба, царице Савской
и генерал-майоре Чернобровкине

«Ночной переход заканчивался, таяли силы, но воины, привыкшие и не к таким лишениям и невзгодам, упрямо двигались навстречу розовеющей кромке горизонта. Через четыре-пять часов по полуночи влажное жаркое марево нового дня начинало обволакивать тело, одежда становилась волглой и тяжелой, притяжение земли казалось уже нестерпимым, желанным, обещало сон забытья в ожидании иссушающего плоть и душу солнца.

“Становись!!!” — раздался по колонне крик центуриона, и легионеры, сбросив тяжелую поклажу, стали располагаться на дневной отдых, ибо ни человеку, ни скотине, ни носильщику, ни верблюду не могло прийти в голову двигаться далее после восхода, когда жизнь в пустыне замирала до следующей ночи.

В неглубокой лощине, между низкими песчаными холмами, покрытыми скудной худосочной зеленью, больше колючками и желтой травой, не видевшей влаги долгими месяцами, то там то здесь вспыхнули костры, запахло дымом и кукурузной похлебкой, завтрак и ужин одновременно для утомленных ночным переходом людей.

Вдруг из-за дальних холмов показалось облако пыли, это во всю прыть возвращался передовой разведотряд, посланный еще вчера для определения дороги. Трое конных всадников остановились у палатки центуриона, спешили, и старший конник поспешил на доклад в шатер.

— Сколь долгов еще путь до Великого моря? — спрашивал центурион.

— Господин, мы не встретили моря, но взору нашему в трех днях пути отсюда открылась гряда величественных гор, покрытых зеленью и сулящих многие источники вод, — отвечал старший. — Поистине, счастливое окончание аравийского похода!!!

— Пусть же будет эта благословенная страна носить имя ARABIA FELIX, — воскликнул обрадованный столь удивительной вестью центурион...»

...Если бы мой рассказ был художественным произведением, романом, скажем, или повестью, то, вполне вероятно, так бы он и начался, но мой рассказ — повествование явно не художественное, вымысла совсем лишённое, хотя и не без эмоциональных оценок.

Итак, Arabia Felix, «Счастливая Аравия», древнеримское название этой небольшой горной страны, замыкающей как бы нижний левый угол массивного Аравийского полуострова, если смотреть на карте. И наверное, именно потому она была и названа счастливой, что после многомесячного южного похода римских легионов, проходящего исключительно по пустыням Аравии аж из Палестин, наконец-то давала возможность насладиться и горной прохладой, и тенью от деревьев, и водой, чистой горной ручьевогой водой. Пожив несколько лет в арабских странах и понимая, что такое пустыня, сейчас я с большой

уверенностью могу сказать, что я бы не дошел, наверное, опасно как-то идти в неведомое, а в те стародавние времена толком и не было известно, есть ли что там, за знойными пустынями Аравии. Ранние финикийские карты давали очень приблизительную картину региона нынешнего Красного моря, а сухопутные были лапидарны, ибо путешественников посуху было немного. Кому взбредет в голову пехом идти по пятидесятиградусной жаре без особой перспективы выжить, да и зачем? Мне до сих пор непонятно, на кой ляд выдвинулись в этом направлении славные римские легионы, уж не завоевывать же сухую, безжизненную пустыню и не искать мифическую птицу Рух, ибо она только через десять с лишним веков возникнет в сказках о Синдбаде-мореходе, поселится именно в этих горах. Отрывочные сведения о царице Савской и могущественном государстве Шеба? Возможно, хотя ко времени похода легионеров и эта история должна была покрыться исторической пылью, рассыпаться камнями и желтой глиной, как некогда фантастическая в инженерном отношении плотина Мариб, обеспечившая водосбор для царицы и ее подданных. Это все было много раньше по времени, а легионы вышли, если мне не изменяет память, где-то в начале первого тысячелетия, простите за возможную неточность... Правда, по некоторым неуточненным данным, римляне все-таки сплавились вниз по горячим волнам Красного моря на своих острогрудых челнах, то есть галерах, но разве это меняет дело. Но тем не менее они преодолели весь полуостров, и на карте современного мира появилось это чудесное название — ARABIA FELIX, которое сегодня звучит как Йемен. Что по-арабски означает всего лишь «располагающийся справа», «йамин» — это и есть правый. И действительно, если смотреть на восток, стоя, к примеру, где-нибудь в районе нынешней

Мекки, а именно здесь есть «нулевой километр» всей арабской географии, то территория «арабии феликс» находится в аккурат справа. А Сирии — слева, потому она и «шималь», «шамм», то есть слева и одновременно «север», что абсолютно географически верно.

Знал ли я, простой советский студент МГИМО, на пороге выпуска в 1977 году, про беспримерный поход римских легионов? Знал ли я про Счастливую Аравию хоть что-то? Про Йемен вообще? Надо признать, положив руку и на Коран, и на Библию, и на томик Большой Советской энциклопедии, что про самое существование этой чудесной страны я знал очень мало, что, дескать, есть такой Йемен, даже два на тот период политического времени — Южный и Северный, но точное местоположение оно на карте мира мне было неизвестно, так же как и римским легионерам за 2000 лет до моего памятного распределения летом 1977 года.

Распределительная комиссия Генштаба Министерства обороны СССР, здание в районе Беговой, мы, выпускники разных вузов, гражданские и не очень, ожидаем очереди перед массивной дверью, за которой решаются наши судьбы, за которой «направленцы» — так называли офицеров 10-го Главного управления Генштаба, обеспечивающих кадровое наполнение групп советских военных советников за рубежом, — раскладывают пасьянс из личных дел и характеристик, требующий формального утверждения на Выездной комиссии МО. Надо сказать, что всего этих «выездных комиссий» было около 15, я пытался недавно вспомнить все поименно, но со временем детали стали забываться, некоторые комиссии я уже не вспомню, наверное, никогда. Если кратко, требовалось утверждение характеристики и рекомендация на выезд в «капстрану», а Йемен подпадал под эту категорию, требу-

ющую особо тщательного отбора, особой идеологической стойкости кандидата, от следующих инстанций.

1. Первым было собеседование с руководством военной кафедры, выявление подводных камней биографии, оценка уровня подготовки и вообще серьезности намерений. Через эту ступеньку я прошел уверенно и быстро, отношения на кафедре были хорошие, я ходил в отличниках.

2. Второе — это составление заявления и заполнение соответствующей анкеты. Заняло несколько дней, ошибки, исправления не поощрялись, скорее не допускались.

3. После некоторого ожидания была дана отмашка на «оформление». Первым делом следовало заручиться «характеристикой-рекомендацией». И самой начальной отправной точкой этого безумного процесса была первичная комсомольская организация академической группы, 3-й группы, в которой я учился. Вопрос был включен в повестку дня очередного, по-моему, ежемесячного обязательного собрания комсомольской организации группы, рассмотрен на нем — и, как результат, вот она, вожделенная выписка из протокола, из которой ясно видно, что товарищи-комсомольцы по группе мне доверяют, знают меня как «активного проводника советской миролюбивой внешней политики, стойкого в моральном отношении» юношу и все в таком роде.

4. Параллельно такую же «характеристику-рекомендацию», подтверждающую устойчивость и преданность делу, должна была дать первичная партийная организация группы. Тоже через процедуру утверждения на собрании. Дала.

5. На очередном заседании бюро ВЛКСМ факультета МЭО, где я обучался, в повестку дня вносилось утверждение множества подобных «характеристик-рекомендаций»,

и в свое время пришел и мой черед, очная явка обязательна, заслушивается мое дело, и утверждается характеристика для выезда в зарубежную страну (куда, еще не ясно).

6. Партбюро факультета на своем очередном заседании также меня рассматривает и, задав дежурные вопросы про международную обстановку, утверждает.

7. Очередное заседание комитета ВЛКСМ института с неизбежностью повторяет процедуру — заслушивает мое «дело», задает ряд вопросов по успеваемости, советским мирным инициативам, решениям XXV съезда КПСС, скажем, и ставит свою печать и подпись Первого — а Первым тогда был нынешний ректор МГИМО Торкунов, кстати.

8. Та же процедура повторяется на очередном заседании парткома института, хотя старшие партийные товарищи меня уж совсем не знают вроде бы, но, однако, доверяют рекомендации своих младших коллег из комсомола.

9. Кстати, предшествует заседанию парткома слушание дела на «комиссии старых большевиков», как ее называли, а вот официального названия я уж, признаться, и не помню, заседали там всякие отставные коммунисты в возрасте, чаще уже не работающие, а потому имевшие много времени на расспросы за жизнь, на анализ приверженности того или иного гражданина делу Ленина и пр. Без «комиссии старых большевиков» партком никаких дел по характеристикам на выезд, или упаси бог, на вступление в партию не рассматривал.

10. Где-то в это время начинался детальный анализ физического состояния кандидата на выезд, что естественно, ибо кому за рубежом нужны немощные работники (но надо признать, что и в стройотряд по обмену студентами в свое время, за год до выпуска, я проходил столь

же строгую медкомиссию). Кандидат самостоятельно собирает справки из кожвендиспансера, из психдиспансера, наркодиспансера, потом уже в поликлинике проходит всех положенных врачей и получает в идеале справку о состоянии здоровья, где черным по белому должно быть написано «годен к работе в странах с жарким и засушливым климатом», а уж где конкретно, посмотрим.

11. Выездная комиссия ЦК ВЛКСМ (уже, конечно, не пленум) рассматривает характеристику по графику, заседает в здании ЦК, что выходит торцом на Старую площадь. По-моему, это была еще очная комиссия, в помещении Комитета молодежных организаций, в переулке где-то.

12. После этого характеристика, утвержденная на всех уровнях института, а комитеты ВЛКСМ и КПСС в институте приравнивались к уровню райкомов, что сэкономило одну итерацию процесса, в принципе уходит в «инстанцию», то есть в ЦК КПСС, на ту самую Старую площадь, туда уже не вызывали, если я верно помню, и прохождение характеристики в ЦК было приравнено к прохождению души в чистилище, ибо из кабинетов Старой площади, как потом стало известно, следовал запрос в КГБ, и соответственно, тут ставился основной фильтр ненадежным в идеологическом плане, морально неустойчивым гражданам, если, конечно, они дотягивали до «инстанции».

13. Где-то в начале 1977 года, по мере того, как двигалась своим чередом «характеристика-рекомендация», начинается оформление соответствующих документов по военной линии — начинается череда вызовов в 10-е Главное управление Генштаба МО СССР, что недалеко от Арбата, там я был принят к «проработке» «направленным», «сидящим» на направлении, то есть на опре-

деленной группе стран, объединенной, как правило, языком — арабским, французским, английским. Естественно, мой «направленец», подполковник, «сидел» на группе арабских стран — но куда именно будет направление, оставалось не ясным. Посещений «Десятки» было несколько по ходу прохождения дела.

14. Выездная комиссия Генштаба МО СССР, в том самом здании на Беговой, — финальная инстанция по военной линии.

15. Получение «довольствия», обмундирования, стояние в очереди за авиабилетом, прививки — сопутствующие процедуры, но крутиться приходилось самостоятельно, никто, кроме направлений, ничего не гарантировал, особенно билеты. Несколько дней заняла очередь в кассы Аэрофлота, что на «Парке Культуры», писались по списку, совсем как в очереди за немецким гарнитуром каким-нибудь!

16. И наконец — сдача комсомольского билета, почему-то в ЦК КПСС, в 5-м подъезде Управления делами, в Ипатьевском переулке (где я по иронии судьбы буду работать в 1991 году), с неизбежным собеседованием с инструктором ЦК, закончившимся отеческим напутствием «не ударить в грязь лицом» и «высоко нести имя советского человека». Тут же, в ЦК, по прочтении инструкций для выезжающих за рубеж, требовалось подписать несколько обязательств о достойном поведении и хранении государственной тайны.

Это все. Можно смело ехать в заграникомандировку, выполнять свой интернациональный долг.

Если кто из современной молодежи думает, читая эти строки, что вообще-то это смахивает на сумасшествие, то он не далек от истины, однако ж другого пути в заветные

заграницы просто не существовало. Таковы были правила игры, правила естественного отбора, и не проходившие его по каким-то причинам никаких шансов на выезд на работу за рубеж, даже если они были исключительно профессиональны и умны, увы, не имели. Без деталей, но каждая из упомянутых инстанций предполагала, что вы должны были ее убедить в том, что именно вам она должна оказать такое немислимое доверие. До развала Советского Союза оставалось почти 15 лет, и система сбоев не давала, по крайней мере в деле определения лояльности. Докажи!

На Выездную комиссию Министерства обороны я зашел как на эшафот, в смысле с завязанными глазами, фигурально выражаясь. Решение комиссии могло быть совершенно любым и наперед не поддавалось предсказанию — кто-то уезжал сразу за рубеж, кто-то по каким-то неведомым причинам командировался на переподготовку в учебные лагеря на территории СССР, это и Мары и Красноводск в Туркмении, и Перевальное в Крыму, и что-то в Белоруссии — в зависимости от военной специализации и языка. Предварительно я знал, что меня планируют направить в Группу советских военных специалистов в одной из арабских стран, что не придется служить «на Родине», что, в общем-то, изначально и не планировалось! В самом начале 5-го курса, когда зашла речь о распределении после института, одним из наиболее возможных и предпочтительных вариантов была командировка за границу. Но так как по гражданской линии Министерства внешней торговли или Госкомитета по внешнеэкономическим связям, ГКЭС, такой перспективы не предвиделось в силу отсутствия необходимых контактов, связей, «блата» по-русски говоря, да и устройство

на работу в Москве ни в одно из внешнеторговых объединений не сулило ничего, кроме зарплаты в 150 рублей, а хотелось уже тогда малость побольше, то предложение нашего преподавателя по арабскому военному переводу Александра Викторовича Коровкина послужить Отечеству на дальних его рубежах, то есть даже совсем за оными, было мной воспринято с энтузиазмом. Первичная проверка где-то в недрах Всесильного Ведомства показала, что меня допустить к конкурсу можно, и процесс оформления (см. выше) начался аж до Нового года. У меня было основание полагать, что «инстанция» воспрепятствует моему отъезду, да еще и по линии секретного Минобороны, ибо за два года до этого моя кандидатура была в результате тщательного отбора отбракована для поездки в Египет на практику, на 3-м курсе. Знающие люди (а помогал мне проверить причину аж проректор МГИМО, знакомый знакомых, но источник верный!) рассказали под страшным секретом, что никакой возможности меня в капстрану отправить нет, ибо запятнан я своей биографией или, вернее, не я даже, а батя мой, Щербаков Иван Васильевич, которому довелось быть освобожденным из четырехлетнего немецкого плена непосредственно в Германии аж американскими войсками, что не могло быть с восторгом воспринято органами.

Конечно, по большому счету его винить нельзя было ни в том, что в полон басурманский попал (его «сдали» наши отступающие войска на больничной койке, после ранения, в Таллине), ни в том, что американцы первыми добрались до лагеря в южной Германии, где он прохлаждался в конце войны... Но система молола людей безжалостно и на такие мелочи внимания не обращала. Повезло еще ему в том, что добрая душа полковник Сальцын Иван Петрович оставил его служить после войны своим

поваром и таким образом спас от неминуемого ГУЛАГа. Были у него, конечно, и допросы в Смерше, и карцер, и угроза расстрела — на понт брали, но каким-то чудом вылез. Случаем, но вылез и продолжил службу. Потом трудности прописки в Москве, устройство на работу, но это уже потом. И вот с такой родословной, через 30 с лишним лет после означенных событий, я рвусь за границу! Подозрительно все это. Так что на практику в Египет поехал мой одноклассник Саша Хренов. А я не поехал, о чем долгие годы и переживал, ибо не было совсем никаких гарантий, что и потом смогу найти себе применение как профессионал в той среде, в том деле, которому меня учили в институте, то есть во внешней, внешне-экономической деятельности. Так что предложение отправиться по военной линии сразу за границу было как нельзя кстати...

За длинным столом восседала комиссия во главе с генерал-майором Чернобровкиным, вполне соответствующим своей фамилии своими густыми, грозными бровями, при полном параде. Генерал перелистал мое личное дело, рядом услужливо помогал в навигации по документам полковник из «Десятки».

— Отец был в плену?! — Мне показалось, генерал изменился в лице, хотя я его лица видеть не мог, он сидел против света, у окна.

— Да, товарищ генерал, но он член партии уже давно, так что там все нормально, — объяснил полковник.

— А... Ну ладно, ну что, Щербаков, к службе готов?

— Так точно, товарищ генерал, — отрапортовал я, горя глазами как мог.

— Ну ладно, Щербаков, поедешь служить в Йемен Северный.

— Служу Советскому Союзу!

Выйдя из комнаты заседания, я, как и все, первым делом направился к гигантской карте арабского мира, висевшей тут же на соседней стене в коридоре.

— Мужики, а где это, Северный Йемен? А кто-нибудь там был? Чего рассказывают-то? — вопросов больше, чем ответов.

Оказалось, что наши люди там живут — не бедствуют, настоящая капстрана, правда, малость отсталая, но в материальном плане намного лучше, чем многие другие арабские страны, избравшие путь социалистической ориентации, что даже тогда не казалось мне странным. Рассказывали, что уже идет война между Севером и Югом, что лететь через Каир (ах, Каир, Каир, запретный город, не принявший меня на практику, возделенная мечта всех арабистов, центр арабской вселенной...). «Ну наконец-то, — подумал я, — не зря учил арабский, теперь-то я им всем покажу, какую пользу могу принести Родине, несмотря на компрометирующее прошлое родителя моего!»

Мои нынешние иностранные коллеги удивляются, услышав историю назначения мне арабского языка, у них не укладывается в американской голове, что определение профессии по сути может носить характер лотереи или рулетки, а ведь так оно и было! После поступления на первый курс в сентябре 1972 года на первом общем собрании курса, еще в здании бывшей Катковской гимназии, что на Крымском Валу (сейчас там Дипакадемия), нам просто «раздали» языки! Выглядело это очень по-военному, лапидарно, выкрикивали фамилию и называли язык, который предстоит изучать, вот так просто:

— Щербаков!

— Я!

— Арабский!

— Понял (сажусь).

Надо сказать, никаких эмоций это у меня тогда не вызвало, ну арабский так арабский, чего тут.

Помогла мне в выборе языка, конечно, Шестидневная война 1967 года. Если бы Израиль не расправился так лихо со всеми армиями союзных Объединенных Арабских Государств (ОАР тогда) и если бы развивающееся военнотехническое сотрудничество этих государств с Советским Союзом как ответ на позор 1967 года не потребовало бы такого количества арабистов всех мастей и специальностей, то не быть бы мне арабистом. Учил бы китайский, тем более что только что был остров Даманский, отношения с китайцами скатывались до нижней точки... А так — арабский — это мейнстрим по-нынешнему тогдашнего времени для многих языковых вузов. В него я и попал, ибо ни на английский, который я всю сознательную жизнь учил, ни на какой другой европейский язык претендовать не мог по своему социальному происхождению, не имея никакого родственного присутствия ни в одной из профессионально внешнеторговой или дипломатической сфер, ни в каких партийных или иных властных структурах, а напротив, имея столь утяжеляющую биографию отца с пленом и удачным освобождением союзниками...

15 сентября 1977 года самолет «Аэрофлота», еще из «старого» Шереметьева, которое сейчас Ш-1, в ночь унесил меня в направлении Йеменской Арабской Республики, а именно города Саны, на земле остались провожающие родственники, мать плакала, отец был стоек, оно и понятно, для него подобное могло показаться экскурсией. Все уже к тому моменту прочно изучили, что Йемена два — Южный и Северный, что они вою-

ют между собой уже несколько лет и что, самое удивительное, советские военные специалисты помогают и тем и другим истреблять друг друга. Выполняют интернациональный долг, так сказать (так писалось потом в характеристиках по месту службы), хотя в чем конкретно он состоит, было не очень понятно — ведь если помогать Югу строить социализм и уничтожать агрессоров с Севера, посягающих на их землю, есть интернациональный долг, то как же может быть одновременно интернациональным долгом помощь Северу в строительстве собственных вооруженных сил, уничтожающих «южан», претендующих на первенство в регионе? Конечно, тогда глубоким рассуждениями на тему столь вопиющих противоречий политики партии и правительства места в моей голове не было вовсе, раз помогаем двум Йеменам, значит, так требует мировая революция или еще что из нетленного учения Маркса — Ленина, в общем, там (наверху) видней, а мое дело маленькое, знай переводи. А вот с этим как раз и возникла первая проблема сразу по приземлении в Международном аэропорту города Саны поутру следующего дня... ARABIA FELIX встречала меня первыми лучами восходящего аравийского солнца и при заходе на посадку показалась мне вполне зеленым местечком, но в действительности места для восторгов было намного меньше, да и на благословенный оазис пыльная Сана была похожа меньше всего. Но все это вскрылось потом.

Глава 2

ARABIA FELIX 2

Глава, где рассказывается о йеменских юбках,
изучении арабского языка,
отмене рабства и удивительном изобилии

Недавно по телевизору показывали многосерийный фильм «Русский перевод» — это про нашего парня, переводчика, из университета, по-моему, в общем, гражданского, отправленного в аналогичную моей военной командировку-службу в Йемен Южный в 1985 году. При небольшом географо-временном несоответствии многие из описанных в фильме ситуаций — калька моего йеменского периода жизни. В Южном действительно ребятам приходилось выезжать на передовую или быть около той, и это правде исторической соответствует, а остальные «приключения Электроника», вроде участия в разводе спецслужб и интермедиях на тему переодевания в иорданского капитана, оставим на совести авторов, на то оно и художественное кино. Отвратительный фонетически арабский саундтрек, ходульность построения фраз (так в жизни никто не говорит) — это похоже на истину, даже за многолетний период работы в арабских странах я встречал, может быть, 2–3 человек, переводчиков или просто профессионалов-арабистов, кто звучал и говорил как «они», то есть как арабы. Остальные, увы, что называется, близко не лежали. Сойти за араба можно, пере-

кинувшись парой-тройкой незначащих фраз в лифте или на улице, но, поверьте профессионалу, при включении в любой, даже не очень серьезный разговор вас «раскусят», как того самого негра-шпиона, заброшенного в Сибирь, из приснопамятного анекдота времен холодной войны. Невозможно. Для того, чтобы сойти все-таки за араба, нужно: а) либо там родиться и прожить лет до 10–12 (о таких случаях я не слышал на своей практике); б) либо учиться лет 10 в самой среде, в медресе, скажем (единичные случаи в советское время, и все — религиозное образование), или жить в среде столько же (вообще нереально в мое время); в) либо быть инопланетянином со свободно переключаемым на языки процессором, что представляется мне наиболее вероятным вариантом.

В фильме «Русский перевод» герой, прилетев в Аден, как я когда-то в Сану, на первом же встречном контакте с настоящим йеменцем оказывается шокирован тем фактом, что тот его вообще не понимает, то есть абсолютно!!! Ровно так же, проходя таможенный контроль, я позволил себе какие-то вопросы к офицеру-йеменцу, вроде «как пройти в библиотеку» (шутка). Тот не понял ни слова из моего обращения, и перепоручил меня встречающему переводчику из Штаба Группы, и тот уже доходчиво мне объяснил, что не надо умничать, все, чему нас учили в институте, — это не более чем база, общепринятая в арабском мире, так называемая «фусха», литературный язык, основа, немного лексики, но язык арабский, как его называют в одной идиоме, «что океан», так что надо приступать к изучению заново, сколь бы обескураживающим этот поворот событий ни казался. На практике добиться приличного знания языка и, соответственно, звучания на оном можно лет через 5–6, и то, если языком заниматься, не жалеть времени на чтение, общение

с телевизором, а это в арабском варианте весьма специфическое дело, общение с носителями языка в первую, может быть, очередь. (В фильме герой наш уже через месяц шпарил на чистом йеменском диалекте, легко притворялся иорданцем, переходя на диалект иорданский, и в легкую цитировал Коран! Здесь речь идет о трех совершенно разных языках, так что, скорее всего, все-таки он был просто инопланетянином.) Мой институтский преподаватель арабского Борис Моисеевич Ханин на вопрос, тяжело ли изучать арабский язык, любил, хитро улыбаясь, отвечать: «Первые 16 лет — тяжело, а потом намного легче». Мои 16 лет не успели закончиться, как я с арабским языком вынужденно расстался в 1990 году, так что я даже не успел на практике проверить справедливость этой эпатажной метафоры, но ведь был близок — 5 лет в институте, 3 года в Йемене, и 4 — в Ираке, итого 12 лет, в конце срока я легко синхронил, читал наискосок газеты, писал коммерческие письма, контракты составлял, даже стихи пытался писать на арабском, что, конечно, в любом неродном языке большая наглость. И надо сказать, что фонетику поставил себе близкую к аутентичной долгими годами тренировок. Но даже в дурном сне я не мог сойти за «настоящего» араба в беседе, длящейся более 5 минут, тем более без зазрения совести цитировать Священную Книгу. А так фильм очень понравился, в основном бережным отношением к деталям «переводческого быта», похожестью натуры, точным воспроизведением духа эпохи «выполнения интернационального долга». Могу рекомендовать его в качестве видеотрека к своему повествованию о днях срочной службы!

А то, что это будет именно служба, а не туристическая поездка в экзотическую страну, стало ясно с первых шагов. Из переводчиков мы летели этим рейсом вдво-

ем, я и Толик Кушниренко, недавно закончивший Военный институт иностранных языков, встречал нас штабной автобус и с ним начальник штаба Группы советских военных специалистов. На мое радостное приветствие «Здравствуйте, я Борис» я тут же получил, естественно, «Подполковник Рудич». (Эх, надо было говорить «лейтенант Щербаков», блин!!!) Весьма безэмоциональный, строгий внешне служака, закаленный многолетней службой в дальних советских гарнизонах, без тени сантимента и суровый на вид, он, вероятно даже незаслуженно, был всеми нами, переводчиками, прозван Деревом и таковым оставался до конца своего срока в Йемене, увы.

Начиналась хоть и зарубежная, но служба. Армия, со своей иерархией, спецификой отношений, с неизбежными дисциплиной и некоторым идиотизмом единоначалия и безвариантности, так, впрочем, на то она и армия. Плюс специфика социально-культурного котла, в котором оказались люди из абсолютно разных регионов, классов, слоев общества, с абсолютно разным уровнем образования, культуры, достатка. Для всех них на ближайшие годы ГСВС становилась родным домом, нужно было налаживать быт, работать в непривычных для нас, изнеженных столичных жителей, шокирующих условиях.

Следует для полноты картины немножко рассказать о Йемене как государстве, как стране с многовековой историей... Откуда, дескать, есть пошла Земля Йеменская... XVI век до нашей эры — это только известная часть йеменской долгой истории, королевства Шеба, Саба, Хадрамаут, завоевание Абиссинией и пр. С IX века нашей эры — исламский период, возникновение арабского мироустройства в этой части Аравии. Но и с той поры утекло много времени. В XVI веке его завоевывала